

Эта история любви
не оставит равнодушным никого.
Гарризон — настоящий мастер.
The Washington Post

джим гаррисон

ЛЕГЕНДЫ ОСЕНИ

Джим Гаррисон
Легенды осени

1979

Гаррисон Д.

Легенды осени / Д. Гаррисон — 1979

Виртуозно упаковываемая в сотню страниц лиричная семейная сага, блестяще экранизированная. Герои классика современной американской литературы всегда ищут справедливости в непоправимо изменившемся мире и с трудом выдерживают напор страстей, которым все возрасты покорны.

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Джим Гаррисон

Легенды осени

Глава I

В конце октября 1914 года из Шото, штат Монтана, в Калгари, провинция Альберта, выехали три брата, чтобы завербоваться на Первую мировую войну (США вступили в нее только в 1917-м). С ними ехал старый шайенн по имени Удар Ножа – он должен был вернуться с лошадьми, потому что лошади были чистокровные, а отец считал, что негоже сыновьям отправляться на войну на клячах. Удар Ножа знал все короткие пути на севере Скалистых гор, поэтому маршрут пролегал по безлюдным местам, вдали от дорог и поселков. Выехали до рассвета; в конюшне отец, завернувшись в одеяло из бизоньей шкуры, держал керосиновую лампу, и пар прощального дыхания окутывал их и белым облачком поднимался к стропилам.

На рассвете задул сильный ветер, желтые листья осин неслись по горному пастбищу и хороший себя в ложине. Когда переходили вброд первую речку, листья тополей, раздетых ветром, кружились в водоворотах и прилипали к камням. Люди остановились и посмотрели, как белоголовый орлан, согнанный с высот первым снегом, безуспешно преследует в зарослях стаю крякв. Даже здесь, в долине, слышен был высокий чистый вой ветра в скалах над границей леса.

К полудню они достигли водораздела, центрального хребта, и обернулись, чтобы в последний раз посмотреть на ранчо. То есть посмотрели братья – и от зрелища захватывало дух: свирепый ветер очистил воздух, и ранчо казалось невозможно близким, хотя до него было уже тридцать километров. Не оглянулся только Удар Ножа – он боялся сантиментов и продолжал надменно смотреть вперед, когда они пересекали Северную Тихоокеанскую железную дорогу. А чуть дальше, во второй половине дня, когда слышали тоскливый вой волка, они не подали виду, что слышат его, – дневной вой был самой плохой приметой. Позавтракали на ходу, чтобы не спешиваться на краю поляны, где снова мог долететь до них сверху печальный крик. Альфред, старший брат, прочел молитву, а Тристан, средний, выругался и, пришпорив лошадь, обогнал Альфреда и индейца. Младший, Сэмюел, ехал не спеша, внимательно разглядывая флору и фауну. Восемнадцатилетний, любимец семьи, он уже провел год в Гарварде и занимался в музее Пибоди, верный традиции Агасси¹.

Когда Удар Ножа остановился на краю широкого луга, поджидая Сэмюела, сердце у него замерло при виде выбежавшей из леса чалой лошади со всадником, закрывшим лицо половиной выбеленного бизоньего черепа, – смех всадника разносился по всему лугу.

На третий день ветер улегся, воздух потеплел, солнце светило тускло сквозь осеннюю дымку. Тристан подстрелил оленя, к отвращению Сэмюела, который ел оленину только из врожденной вежливости. Альфред по обыкновению был задумчив, безучастен и удивлялся про себя, как могут Тристан и Удар Ножа есть столько мяса. Он предпочитал говядину. Индеец и Тристан первым делом стали есть печень; Сэмюел рассмеялся и сказал, что сам он всеядный, но может превратиться в травоядного. Тристан же был истинным плотоядным, мог наедаться впрок и скакать, или спать, или пить, или бабничать дни напролет. Остаток туши Тристан отдал фермеру, гомстедеру², в чьем убогом сарае они проспали ту ночь, предпочтя сарай

¹ Музей Пибоди в Гарварде – Музей археологии и этнографии, учрежденный банкиром и филантропом Джорджем Пибоди (1795-1869). Жан-Луи Агасси (1807 – 1873) – американский зоолог и геолог, родился в Швейцарии. Занимался ихтиологией, изучением ледников. Заведовал кафедрой естественной истории в Гарварде. Александр Агасси (1835 – 1910), сын Ж.-Л. Агасси, – американский зоолог. Был директором Гарвардского музея сравнительной зоологии. Пожертвовал на исследования по зоологии свыше 1 миллиона долларов.

² Принятый в 1862 г. закон о гомстедах давал гражданину США право на безвозмездное получение участка земли в 65

густому аммиачному запаху халупы, набитой детьми. Фермер, что характерно, не знал о войне в Европе, да и где находится Европа, плохо себе представлял. Что нехарактерно, Сэмюелу за ужином понравилась старшая дочь, и он прочел ей стихотворение Генриха Гейне по-немецки, на ее родном языке. Отец смеялся, мать и дочь в смущении ушли из-за стола. На заре, когда уезжали, дочь дала Сэмюелу шарф, который вязала всю ночь. Сэмюел поцеловал ей руку, пообещал писать и оставил ей на сохранение золотые карманные часы. Удар Ножа наблюдал за этим из загона, где седлал лошадей. Он поднял седло Сэмюела так, словно поднимал сам рок – рок всегда властвовал над самыми дальними, самыми темными далями женского. Пандора, Медуза, вакханки, фурии – все женщины, хоть и мелкие богини вне половой принадлежности. Легче ли кому помыслить смерть, чем взвесить землю и сердце красоты?

Остаток пути до Калгари они проехали в расцвете короткого бабьего лета. Был неприятный инцидент в придорожной таверне, где они привязали лошадей, чтобы сполоснуть пыльные рты пивом. Хозяин отказался впустить индейца. Сэмюел и Альфред уговаривали его, а Тристан, напоив лошадей, пришел, увидел, в чем дело, и избил мясистого хозяина до бесчувствия. Он швырнул золотую монету работнику, нерешительно державшему пистолет, взял бутылку виски, жбан пива, и они устроили тут же под деревом пикник. Удару Ножа вкус виски и пива понравился, но он только сполоснул ими рот и выплюнул на землю. Он был шайенн, но последние тридцать лет прожил на территории блэкфутов и кри и решил, что напьется лишь в том случае, если сумеет вернуться в Лэйм-Дир до того, как умрет. Альфреда и Сэмюела рассмешило его поведение – но не Тристана, который его понимал и с тринадцати лет был близок с Ударом Ножа, тогда как Сэмюел и Альфред скорее игнорировали шайенна.

В Калгари добровольцев встретили с необыкновенным радушием. Майор, собиравший здесь кавалерию, происходил из той же области Корнуолла, что и их отец, – и даже отплыл из Фалмута на шхуне в тот же год, только в Галифакс, а не в Балтимор. Майор был озадачен нежеланием Соединенных Штатов вступить в войну, которую правильно рисовал себе более страшной и долгой, нежели те легкомысленные оптимисты в Канаде, которые думали, что стоит им высадиться в Европе, как гунны с кайзером бросятся наутек. Впрочем, такое бахвальство в солдатах приветствовалось, поскольку в международных экономических и политических махинациях их роль – пушечное мясо. За месяц обучения перед тем, как их по железной дороге отправили в Квебек, чтобы посадить там на войсковые транспорты, Альфред быстро стал офицером, а Сэмюел, благодаря его немецкому и умению читать топографические карты, – адъютантом. Тристан же дрался и пьянствовал и был отряжен в конюшню, где чувствовал себя вполне в своей тарелке. Мундиры смущали его, на строевой он чуть не плакал от скуки. Если бы не преданность отцу и не Сэмюел, которого он считал необходимым опекать, Тристан сбегал бы из казармы и на краденой лошади поскакал обратно на юг, по маршруту индейца.

* * *

А там, под Шото, Уильям Ладлоу (полковник инженерного корпуса в отставке) не спал ночами. В то утро, когда уезжали ребята, он простудился и неделю лежал в постели, глядя в северное окно, дожидаясь, когда вернется Удар Ножа с известными, пускай самыми скудными и отрывочными. Он писал длинные письма жене – жена зимовала в Прайдс-Кроссинге близ Бостона и, кроме того держала дом на Луисберг-Сквер – для вечеров, когда посещала оперу и симфонические концерты. Она любила Монтану с мая по сентябрь, но так же любила сесть в поезд, увозящий ее в цивилизованный Бостон – в те дни распространенный обычай у богатых землевладельцев. Вопреки популярному заблуждению, ковбои никогда не были хозяевами ранчо. Это были бродячие хиппи своего времени, только умелые степные казаки, знав-

шие животных гораздо лучше, чем друг друга. Некоторыми крупнейшими ранчо на севере центральной Монтаны владели лишь изредка наезжавшие туда шотландские и английские аристократы. (Неотесанный ирландец сэра Джорджа Гор, сомнительно благородных кровей, привел в ярость индейцев, убив с тысячу лосей и столько же бизонов во время «охотничьей экспедиции».)

Но писал жене Ладлоу в состоянии горя. Она настаивала, чтобы Сэмюела не пускали на войну. Она дорожила их совместными субботними обедами в прошлом году, его рассказами об очередной увлекательной неделе в Гарварде. Младшенького она нежила, тогда как Альфред с юных лет был тяжеловесен и методичен, а Тристан неуправляем. В сентябре, через месяц после Сараева, она поссорилась с мужем и, собрав за три дня свои вещи, уехала. Теперь Ладлоу понимал, что Сэмюела не надо было отпускать, а отправить обратно в Гарвард, хотя бы ради матери. Молодая троюродная сестра, которую она привезла с востока в надежде, что они с Альфредом составят хорошую пару, обручилась, наоборот, с Тристаном. Это позабавило отца, втайне благоволившего к буяну, хотя после обеда по случаю помолвки Тристан непозволительно исчез на неделю – вместе с Ударом Ножа преследовал гризли, задравшего двух коров.

Ладлоу лежал под стеганым покрывалом и просматривал альбомы с вырезками, скопившиеся за жизнь; из-за небольшой температуры ум его был отзывчив. Он достиг возраста, когда его обычно романтический настрой уступил место иронии; прошлое сбилось в плотную массу, из которой он не мог извлечь никаких выводов. Хотя ему стукнуло шестьдесят четыре, здоровья и энергии не убавилось, и его родители, оба на середине девятого десятка, благополучно жили в Корнуолле, так что, если исключить несчастный случай, ему, вероятно, предстояло прожить дольше, чем хотелось бы. В альбоме он наткнулся на наивное стихотворение, которое написал в бытность свою в Веракрусе, – ему показалось забавным, что оно приклеено рядом с газетной вырезкой о "плодовитости трески". Горный инженер, он переезжал из Мэна в Веракрус, оттуда в Тумстон, Аризона, оттуда в Марипозу, Калифорния, оттуда на медные рудники в Верхнем Мичигане. Женился только в тридцать пять лет, причем выбор с обеих сторон был неестественный: она – дочь несметно богатого инвестиционного банкира в Массачусетсе. Нелепость слияния заключалась вовсе не в деньгах: его шахта в Веракрусе все еще давала около двухсот двадцати килограммов серебра в месяц – почти четыре тысячи долларов по тогдашним ценам. Собирались они в банке в Хелине, куда он ездил несколько раз в год, чтобы присмотреть за инвестициями и отвести душу в Клубе скотоводов. Брак их выгорел, китсово³ пламя сменилось отчужденной, изломанной элегантностью. Затянувшийся медовый месяц в Европе цивилизовал их до такой степени что его не очень беспокоило, возьмет ли она на зиму любовника в Бостоне, обычно гораздо моложе себя. Последней, приглушенно скандальной ее связью будет гарвардский студент Джон Рид, в дальнейшем знаменитый большевик, который умрет в Москве от тифа. Как и у многих богатых феминисток того времени, увлечения ее были пылкими и прихотливыми. После того как старший сын был надлежащим образом назван в честь деда Альфредом, второй стал жертвой ее редких порывов и получил имя Тристан, позаимствованное из курса средневековой литературы в Уэллсли-колледже. Довольно характерно, что она была первой женщиной, игравшей в поло почти на уровне тех конных сибаритов, которые воспринимали мир как собственную конюшню. Но она была роскошной женщиной, даже на шестом десятке, взбалмошная красавица, прежде худая, а теперь тяготевавшая к пышности. Она пыталась сделать из бедняги Сэмюела художника, но он унаследовал научные склонности от отца и бродил по окрестностям ранчо со справочниками по естествознанию, добросовестно исправляя в них викторианские погрешности.

Впервые после отъезда сыновей Ладлоу спустился к обеду и с отчаянием посмотрел на единственный прибор во главе стола; камин гудел, но ни тепла, ни уюта в столовой от этого не

³ Китс Джонс (1795 – 1821) – британский поэт-романтик.

прибавлялось. Роско Декер, его управляющий, пил кофе со своей женой по прозвищу Кошечка, красивой индианкой кри; за последние несколько лет жена Ладлоу научила ее хорошо готовить по старинной французской кулинарной книге под названием "Али Баб". Декеру (никто не звал его Роско – он не любил свое имя) было около сорока; у него были худые ноги конника, зато могучая грудь и руки, развитые в юности рытьем ям под столбы для изгородей.

Ладлоу сказал, что ему одиноко, и вслух подумал, не стоит ли им вместе есть в столовой. Кошечка налила ему чашку кофе и помотала головой. Декер смотрел в сторону. Ладлоу, чувствуя, что багровеет, подумал, что мог бы просто приказать им, невзирая на то, что десять лет они прожили в обоюдном расположении на дистанции. Поэтому хозяин и управляющий пили свой дневной кофе напряженно, не соблазняясь запахом оленины, которую Кошечка тушила по-нормандски в сидре, в дровяной плите. Декер пытался поговорить о скоте, но гневный Ладлоу не слышал его и смотрел мимо. Он наблюдал за Изабелью, девятилетней дочерью Декера: она шла по двору и что-то несла. Она прошла через сарай с насосом, вошла в кухню, и это что-то оказалось барсучком месячного возраста – подарком Тристана. Кошечка велела ей вынести животное во двор, но Ладлоу заинтересовался и остановил девочку. Зверек выглядел больным. Ладлоу сказал, что молоко должно быть теплым и, может быть, барсук захочет молотого мяса. Кошечка пожала плечами и стала раскатывать тесто для печенья; Ладлоу согрел молоко, а Декер тем временем осмотрел барсучка. Они нашли припрятанные в кладовке старые детские бутылочки с сосками, Кошечка покормила зверька, качая на руках; он пил с жадностью. Ладлоу подобрел, достал бутылку арманьяка, налил в стаканы себе и Декеру, чтобы добавить в кофе. По каким-то своим метисовским соображениям Изабель отказалась ходить в школу, и Ладлоу сказал, что будет сам ее учить, прямо с завтрашнего утра, в восемь ровно.

Атмосфера разрядилась настолько, что Ладлоу спустился в погреб за бутылкой хорошего кларета к обеду. Много лет он не разделял пристрастия жены к хорошему вину, но постепенно перешел в ее веру, прочел книгу по винологии и так увлекся, что теперь его погреб был забит доверху (частично винами с поезда на Тихоокеанской северной дороге, сошедшего с рельс по пути в Сан-Франциско, – вино продал ему из-под полы станционный чиновник). И в погребе Ладлоу решил проблему: они будут есть на кухне вместе с Ударом Ножа, когда он вернется. Тогда, он надеялся, отсутствие сыновей не будет таким болезненным и зияющим. На кухне он представил это как естественный способ экономии зимнего топлива. Столовую закроют. Декер с семьей переедет в гостевую комнату, а трое работников переберутся в их дом. Все знали, что Удар Ножа не покинет свою хижину, куда никто не входил, за исключением одного случая, когда трехлетняя Изабель заболела и Удар Ножа вызвался совершить над ней тайный обряд. Ладлоу знал, однако, что Удар Ножа хранит геройский мешочек со скальпами (в их числе немало было снято с белых), но молчаливо его одобрял.

После обеда весь вечер играли в карты; Изабель с Кошечкой выигрывали по причине вина и бренди, поглощенных Декером и Ладлоу. Ладлоу объявил, что завтра у Декера выходной, они возьмут сеттеров и пойдут охотиться на тетеревов. Декер сказал, что через несколько дней Удар Ножа должен вернуться. Кошечка подала пудинг со спелыми сливами из сада, а Изабель уснула в кресле с барсучком, который выглядывал из одеяла у нее на коленях. В полночь Ладлоу отправился спать с теплым устойчивым чувством, что мир все-таки хорошее место, что война скоро кончится, что они с Декером хорошо поохотятся завтра. Он прочел свои вечерние молитвы, для разнообразия помянув индейца, хотя на нем, язычнике, они никак сказаться, конечно, не могли.

В четвертом часу ночи он проснулся в поту: сон был такой живой и реальный, что его еще полчасика трясло. Приснилось, что сыновья погибли в бою, а он беспомощно стоял на крутом холме; потом он посмотрел вниз, увидел на себе штаны из лосиной шкуры и понял, что он на самом деле Удар Ножа. Он раскурил трубку при свете керосиновой лампы и, глядя на стену с зыбкими тенями, недоуменно соображал, где он сам находился во сне, – вопрос был особенно

мучительным оттого, что в 1874 году, когда его отряд стоял лагерем на холмах Шорт-Пайн, приехал Удар Ножа и как бы вскользь сказал, что Сидящий Бык⁴ с пятью тысячами воинов движется к ним с севера, из резервации Тонг-Ривер. И они скакали трое суток, днем и ночью, чтобы избежать западни; некоторые от изнеможения привязывали себя к седлам.

Ладлоу запахнул халат, вышел из комнаты, прошел по коридору и заглянул сперва в комнату Альфреда, с ее сентиментальными безделушками, гантелями, книгами для самообразования; потом в комнату Сэмюэла, загроможденную микроскопами, чучелами животных, включая оскалившуюся росомаху, ботаническими образцами и поразительно похожим на ястреба куском дерева, который он в детстве вытащил из реки. Комната Тристана, куда Ладлоу давным-давно уже не заходил, была окоченело голой: шкура чернохвостого оленя на полу, шкура барсука на подушке и сундучок в углу. Ладлоу поморщился: барсука, любимца десятилетнего Тристана, Ладлоу застрелил, когда он загрыз болонку жены и она закатила истерику. Свирепый любимец Тристана ездил с ним на лошади, округло пристроясь на луке седла, и утробно шипел на всякого, кто приближался, кроме индейца. Ладлоу наклонился с лампой над сундучком. Он чувствовал себя шпионом, но не мог одолеть любопытства. В свете лампы заблестели серебряные колесики испанских шпор, подаренных Тристану на двенадцатилетие. В сундуке лежало несколько патронов к крупнокалиберной винтовке "Шарп", ржавый пистолет неизвестного происхождения, банка с кремневыми наконечниками стрел, ожерелье из медвежьих когтей – несомненно, подарок индейца; Ладлоу иногда думал, что Удар Ножа был мальчику больше отцом, чем он. На дне сундука Ладлоу с удивлением обнаружил завернутую в шкуру антилопы книгу собственного сочинения, отпечатанную в 1875 году правительственной типографией, с детской надписью под обложкой: "Эту книгу написал мой отец".

Ладлоу резко выпрямился, лампа у него в руке опасно накренилась. Книгу эту он не раскрывал тридцать лет – главным образом от огорчения, что к его рекомендациям относительно народа сиу не прислушались и даже высмеяли их, после чего он подал в отставку и уехал в Веракрус. Он увидел, что страницы размечены и подчеркнуты, и ему стало любопытно, что мог извлечь невежественный и дикий парень из этой, как он считал, чисто технической работы. Он забрал книгу к себе в комнату и налил из оплетенной бутылки, хранившейся под кроватью на случай бессонницы, стакан канадского виски.

Само заглавие выглядело пресно, если пренебречь иронией, которую сообщил ему последующий ход событий: "Обследование района Блэк-Хиллс в Дакоте, выполненное летом 1874 г. Уильямом Ладлоу, капитаном инженерных войск, бrevet-подполковником армии США, Главное инженерное управление Дакоты". В качестве ученого, как понимали это звание тогда, он был направлен в Седьмой кавалерийский полк под командованием подполковника Джорджа Армстронга Кастера и возглавлял научную группу, включавшую Джорджа Берда Гринелла из Йельского колледжа, его хорошего приятеля. Когда Кастер был особенно обеспокоен или сердит, он передразнивал английский выговор Ладлоу – непростительная фривольность со стороны офицера. Ладлоу втайне праздновал смерть Кастера при Литтл-Бигхорне три года спустя, в семьдесят шестом⁵. Собственные его рекомендации в заключение доклада были краткими и ясными. Перечислив очевидные достоинства района, включая то, что он дает защиту от жгучего зноя и арктических штормов из соседних прерий. Ладлоу писал:

"Этому, однако, непременно должно предшествовать окончательное решение индейского вопроса. Владельцы облюбовали район как охотничье угодье. Более дальновидные из них, предвидя время, когда охота на бизонов, ныне составляющая основу пропитания для диких племен, перестанет удовлетворять этой цели, намерены обосноваться в окрестностях Блэк-

⁴ Сидящий Бык (1831? – 1890) – вождь общины хункапапа (народность сну), возглавлял последнее крупное выступление индейцев против правительства США, пытаясь воспрепятствовать заселению земель племени.

⁵ В 1876 г. при реке Литтл-Бигхорн отряд Кастера был почти полностью истреблен индейцами под началом Сидящего Быка и Бешеного Коня.

Хиллс для постоянного жительства и дожидаться постепенного вымирания индейцев, каковое неизбежно... Дальше на запад индейцам уже некуда мигрировать".

Каракули Тристана занимали его больше, чем бездушие и жульничество правительства, сделавшие его почти отшельником. Он глотнул виски и вспомнил нашествие саранчи, показавшееся интересным Тристану:

"Однажды утром я насчитал в среднем двадцать пять особей на квадратном футе земли. Простой подсчет дает около двух миллионов на гектар... при их крайней прожорливости легко себе представить, какой урон растительности они способны причинить. Их способность к продолжительному полету также изумительна... по-видимому, они могут держаться на крыле целый день, всегда двигаясь по ветру и наполняя воздух до громадной высоты... крылья, отражающие свет, делают их похожими на клочки хлопка, лениво летящие по ветру... опускаясь в косых лучах солнца, они напоминают крупный снегопад".

Ладлоу вспомнил сбивчивую речь Кастера перед солдатами; светлые локоны подполковника обсела саранча. Он читал дальше, останавливаясь только на местах, подчеркнутых Тристаном, в частности на отрывке о кроваво-красной луне, озарявшей бежевый ландшафт, к чему Тристан добавил: "Я видел однажды такое явл. с У, Ножа, потом он не хотел разговаривать у костра". Но сильнее всего встряхнуло память описание бизоньих черепов, в котором Ладлоу прочел предвидение суеверий Ножа, связанных с Танцем Духа⁶ и мальчишеской страсти Тристана: «Человека, который застрелил бизона и не съел все его тело и не сделал из шкуры шатер или постель, самого надо застрелить. Включая костный мозг, У. Ножа говорит, потому что он возвращает все здоровье человеческому телу». Ладлоу вспомнил черепа и отсвет на перьях сапсана, пролетевшего под его лошадью в погоне за обреченным голубем. «Всего лишь несколько лет назад местность, по которой мы проезжали, была излюбленным пастбищем бизонов, и их черепами усеяна прерия во всех направлениях. Иногда индейцы собирают эти черепа и выкладывают из них на земле фантастические узоры. В одном таком наборе, замеченном мною, черепа были раскрашены красными и синими кругами и полосами и разложены пятью параллельными рядами по двенадцать в каждом. Все черепа смотрели на восток».

Он допил виски и задремал, не погасив лампы, потому что боялся повторения сна с его фатальными вопросами, дико расцвеченной оперной гибелью. Ладлоу был не настолько наивен, чтобы пытаться упорядочить уже прожитую жизнь, но остро сознавал, что его вторичной жизнью, проживаемой в сыновьях, распорядились плохо – не так с Альфредом и Сэмюелом, которые были только тем, кем были, как с Тристаном. Ладлоу мог увлечься, по крайней мере на время, любой научной концепцией с элементом причудливости, а сейчас в ходу была идея, что характер зачастую передается через поколение. Отец его был капитаном шхуны – и сейчас был, в восемьдесят четыре года, – человеком лютой энергии и обаяния; правда, видеть его удавалось не часто – только в годы, когда он реже выходил в море. Толчком к более умеренным скитаниям самого Ладлоу послужили рассказы отца – о схватке гигантских кальмаров в перуанском течении, о том, что, обогнув мыс Горн при двенадцатибалльном урагане, ты становишься другим человеком. На одно Рождество Ладлоу получал в подарок сморщенную голову с Явы, на следующее – маленького золотого Будду из Сиама, и постоянным потоком шли образцы минералов со всего света. Так что Тристан, возможно благодаря генетическому скачку, стал его отцом и, подобно Каину, не подчинится ничьему приказу, а будет строить свою судьбу поступками настолько своевольными, что и сейчас уже никто в семье не понимал, что творится в его как будто бы безблагодарной душе. В четырнадцать лет Тристан бросил школу и наловил в капканы столько рысей, что мог бы закупить чего угодно, но вместо этого отдал сшить из шкур шубу и послал изумленной матери в Бостон. Потом он одолжил у отца охотничье

⁶ Танец Духа – обряд, долженствующий установить сообщение с мертвыми. Этот мессианский культ был распространен среди индейцев на западе США в последние десятилетия XIX века.

ружье "Перди" и пропал – и вернулся на ранчо через три месяца с мешком денег, выигранных на соревнованиях по стендовой стрельбе в охотничьих клубах. На эти деньги были куплены Удару Ножа новое седло и винтовка, Сэмюелу – микроскоп и Альфреду – поездка в Сан-Франциско. Вообще, семья была, наверное, с избытком обеспечена деньгами, но у самого Тристана они так и липли к рукам. Шериф Хелины написал, что пятнадцатилетнего Тристана видели в обществе проституток; у матери сделался нервный припадок, а Ладлоу начал было полагающуюся лекцию, но сбился на расспросы о том, красивые ли были проститутки. Сам он раз в два месяца наезжал в Хелину, несколько ночей проводил с учительницей – их тайные романтические отношения длились уже десять лет. Своим старым приятелям в Клубе скотоводов он часто цитировал Тедди Рузвельта: "Я люблю пить вино жизни с добавкой бренди", – после чего чувствовал себя глупо, поскольку всех политиков считал негодяями. Но теперь Тристан был вне сферы его влияния, и он знал, что вряд ли получит от него весточку – так же как никогда не получал их от отца. Несколько лет назад отец сел на мель среди Оркнейских островов, и Ладлоу договорился о покупке нового судна, за что был отблагодарен одной запиской: "Дорогой сын. Надеюсь, твои близкие благополучны. Пришли ребят для закалки. Черт бы взял твои деньги. Получишь обратно до последнего цента". И они приходили маленькими порциями в банк Хелины – из таких разнообразных мест, как Кипр и Дакар. Задремывая, он подумал, что надо будет написать Сюзанне, невесте Тристана, спросить о новостях. Сюзанна была хрупкая миловидная девушка редкого ума.

Ладлоу проспал допоздна и был смущен, узнав, что Декер уже несколько часов ждет его на охоту. Он выглянул в окно и увидел, что лимонной масти сеттеры похожи на пятна солнечного света, пробившегося сквозь березовую листву. Это были отличные собаки, их привез из Девоншира друг, раз в два года приезжавший пострелять.

К полудню они настреляли семь пар рябчиков, и все – и собаки, и люди – утомились от необычной для конца октября жары, хотя на севере небо потемнело и, зная капризный нрав Монтаны, к ночи можно было ожидать снегопада. Декер, поджаривая рябчиков, предложил купить весной тыщонку телят – из-за войны цены на мясо поднимутся. Еще ему нужны два новых работника, взамен Тристана, а у Кошечки есть два родственника около Форт-Бентона, один наполовину черный, если Ладлоу не против, – оба отличные ковбои. Ладлоу скорчил сердце и печенки двух рябчиков собакам и согласился со всеми предложениями Декера, праздно пытаясь представить себе, как выглядит наполовину черный кри. Вероятно, изумительный урод. Он задремал на солнце, вдыхая запах кожи рябчиков, жарящихся на углях. Декер увидел вдали, на верху тупикового каньона, фигуру индейца. Это был Удар Ножа, и Декер знал, что из этикета он подъедет только после еды, поскольку жарилось всего два рябчика. Удар Ножа и привез Декера из Зортмана, и Ладлоу взял Декера, хотя догадывался, что он в бегах. Декер растолкал его, и он с наслаждением поел. Он любил этот каньон и хотел, чтобы его похоронили здесь, возле ключа, бывшего из стены. Он смог купить пять тысяч гектаров – не так уж много для ранчо по здешним масштабам, – и благодаря своим связям с горняками купил по бросовой цене, когда было решено, что полезных ископаемых здесь нет. Воды зато было вдоволь, и на своем ранчо он мог содержать столько скота, сколько другие на участках, втрое больших. Но Ладлоу сильно ограничивал поголовье, поскольку алчностью не страдал и не желал мороки с многочисленными работниками. Кроме того, если бы скот начал забираться в верховья, оттуда ушла бы птица. Собаки учуяли Ножа, спускавшегося с горы, и неистово завиляли хвостами. Старый индеец отпил из Декеровой фляжки и выплюнул в костер; виски вспыхнуло. Декера всегда забавляло, что в речи индейца слышен сильный английский акцент, как у хозяина.

Поздно ночью наступила зима. А следующий день принес рассерженное, умоляющее письмо жены – она просила Ладлоу использовать свое влияние, чтобы Сэмюела отпустили из армии. У нее расстроился сон, хотя Альфред написал из Калгари, что у них все хорошо. Во имя чего, спрашивалось, мальчики должны защищать какую-то Англию, которой они не

видели, – потому только, что он их вытолкнул туда из своей противоестественной любви к приключениям и полного равнодушия к ее чувствам? Эти письма продолжались всю позднюю осень до января; климактерическая истерия достигла в них такого накала, что Ладлоу, и без того страдавший дурными предчувствиями, перестал их открывать. Перед Рождеством он не поехал, как обычно, в Хелину и, не испытывая никакой тяги к романтическому времяпрепровождению, все время читал и думал – за исключением нескольких утренних часов, когда обучал Изабель письму и чтению. За припасами и подарками он послал в Хелину Декера, а на другой день приехал федеральный полицейский и спросил, нельзя ли узнать местонахождение некоего Джона Тронберга, разыскиваемого несколько лет в связи с ограблением банка в Сент-Клауде, Миннесота, и, по слухам, осевшего в этих краях. Ладлоу без удивления посмотрел на старую фотографию Декера и ответил, что этот человек действительно проезжал здесь три года назад по дороге в Сан-Франциско, намереваясь сесть на пароход до Австралии. Полицейский устало кивнул, плотно пообедал и под вечер уехал в Шото.

Ладлоу выждал час – на случай, если полицейский где-то караулит – и послал Ножа в Хелину, предупредить Декера, чтобы он возвращался, избегая городов и главных дорог. Все шло как-то неладно. По рассеянности он застал Кошечку, когда она вытиралась после мытья, и почувствовал себя слабым, отяжелевшим, вялым. Он с радостью отдал бы ранчо за то, чтобы получить назад хоть одного сына.

* * *

В Бостоне Изабель сошлась с итальянским басом-профундо. Он не знал по-английски, так что роман протекал в рамках ее минимального туристского итальянского. Они сидели перед камином в претенциозном ориентальном шезлонге, он клал голову ей на грудь, и говорили об опере, о Флоренции и о диких краснокожих, которых он надеялся увидеть, когда поедет с концертами в Сан-Франциско и Лос-Анджелес. Он ей, по правде говоря, наскучил; его скоропалительный, энергичный способ удовлетворения не подходил ей – она была гораздо менее пылкой, чем полагали ее любовники. Ей снились тяжелые сны о Тристане, и голова певца у нее на груди напоминала ей о том, как она держала сына на руках и читала ему в такой же позе, когда он болел пневмонией, – их близость оборвалась непоправимо осенью его двенадцатилетия, после того как она предпочла вернуться на зиму в Бостон. И как же терзал ее страстный мальчик за это решение – писал ей, что молится каждый день, чтобы она приехала на Рождество, и, когда она не приехала на Рождество, проклял Бога и стал неверующим. Она вернулась весной; он был холоден и настолько отчужден, что она пожаловалась мужу, но он не мог вытянуть из Тристана ни слова о матери. Потом она притворилась больной, и когда сыновья пришли к ней, чтобы поцеловать перед сном, она задержала Тристана и временно укротила его с помощью бурных излияний и слез, использовав весь свой арсенал уловок. Он сказал, что будет вечно ее любить, но в Бога верить не может, потому что проклял Его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.